

Легко не замечать то, чего не хочешь видеть...

О
К
Н

Амелия Бранскилл

Амелия Бранскилл

Окно

Серия «Trendbooks thriller»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65097236
Окно: Клевер-Медиа-Групп; Москва; 2021
ISBN 978-5-00154-516-3

Аннотация

«Окно» Амелии Бранскилл – это тонкая психологическая драма для читателей Young Adult.

Анна и Джесс – близнецы. Анна веселая и спортивная, Джесс замкнутая и тихая. Разница в характерах не мешает дружбе девочек, у них нет секретов друг от друга. Так думает Джесс.

Она просто не может поверить, что Анна разбилась насмерть, выпав из окна, когда пыталась сбежать ночью из дома. И тем более Джесс не верит, что произошел несчастный случай. Что скрывала Анна? С кем она собиралась встретиться той ночью? Почему врала? Чем глубже Джесс погружается в свое расследование, тем непригляднее становятся подробности жизни сестры. У Анны было много секретов. И кажется, не у нее одной.

Говорят, все тайное становится явным. Но что, если кто-то готов хочет скрыть правду любой ценой?

«Окно» Амелии Бранскилл поднимает актуальную сегодня тему рискованного поведения подростков. Эта книга о хрупкости человека и быстротечности жизни обязательна к прочтению.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Амелия Бранскилл

Окно

Amelia Brunskill
THE WINDOW

© 2018 by Amelia Brunskill

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

* * *

Иногда я переживаю, что сейчас меня не назвать порядочным человеком. Возможно, я когда-то им была. Но в последнее время я вела себя не слишком хорошо.

Глава 1

Я тщательно рассматривала свои носки, и тут меня окликнули по имени. Первым уроком была физкультура, и я как раз поняла, что мои носки совершенно не подходят для занятий. Они были длинными, и их можно было натянуть до середины лодыжки, а все остальные девочки надевали на физкультуру короткие носки, едва выступавшие за край кроссовок. Конечно, существовали неписанные правила выбора носков. Наверное, они даже были давно известны, а я, похоже, только начала осваивать их, хотя с начала учебы в десятом классе прошло три месяца. Успешная в школе, неудачница по жизни. Могу сделать это своим девизом. Наверное, Анна оценит формулировку, даже если и сделает вид, что не согласна.

– Джесс!

Миссис Хайес, школьный психолог, стояла в дверях спортзала, выпрямив спину и сцепив руки перед собой. Учительница физкультуры, мисс Тёрнер, стояла рядом с ней. Мисс Тёрнер выглядела странно. В следующее мгновение я поняла, в чем дело: куда-то пропала ее фирменная недобрая ухмылка. Это меня насторожило, но еще сильнее я испугалась, когда поняла, что мисс Тёрнер, похоже, считает, что мне следует прервать урок и пойти с миссис Хайес.

– Джесс, пожалуйста, пойдем со мной, – сказала миссис

Хайес.

Я медленно встала, ожидая, что мисс Тёрнер возразит. Но она этого не сделала. Мы с миссис Хайес вышли из спортзала и зашагали по длинным холодным коридорам. Шкафчики цвета зеленого горошка и отделанный желтым линолеумом пол складывались в типичное для школы сочетание отвратительных оттенков. Меня слегка замутило.

Миссис Хайес то и дело поглядывала на меня, пока мы шли, словно опасалась, что я могу внезапно броситься наутек. Мне подумалось, она хочет мне что-то сказать – что-то ободряющее. Но она молчала, даже не сообщила, куда мы идем. Я пыталась догадаться, в чем дело, пыталась вспомнить, не говорили ли мои родители в последнее время о проблемах со здоровьем у кого-то из бабушек или дедушек. Вроде бы нет, ничего необычного. Анна бы заметила, Анна на все обращает внимание.

Мы повернули за угол, и я увидела, что директор Стивенс стоит у входа в свой кабинет и смотрит на нас. Как обычно, ее облик был тщательно продуманным: идеально сидящий серый пиджак, кристально белая рубашка, гладко уложенные темные волосы. Она жестом пригласила нас в кабинет.

Папа сидел в кресле, откинувшись на спинку. Увидев меня, он резко выпрямился, словно кто-то дернул за невидимые ниточки. Его лицо было напряженным, а уголки рта дрожали.

– Что происходит? – спросила я. – Что случилось?

– Джесс, – сказал он, пристально глядя на меня. – Тебе стоит присесть.

Я покачала головой.

– Нет, – ответила я. – Лучше постою.

Он закрыл глаза:

– Джесс. Сядь, пожалуйста.

От тона его голоса мне и вправду стало тяжело стоять. Я села.

– Произошел несчастный случай, насколько мы знаем, и... – Его голос сорвался, и он ненадолго открыл глаза, а потом снова закрыл их. – Мне так жаль...

На этот раз ему удалось произнести больше слов – они полились потоком. И были совершенно бессмысленны. Я слышала их, каждое по отдельности. Анна. Упала. Несчастье. Жаль. Они не могли – не должны были – соединиться в предложение. Словно загадка, которую я никак не могла разгадать. Упала. Анна. Несчастье. Жаль. Несчастье, упала, Анна, жаль.

Анна.

Упала.

Несчастье.

Наконец слова соединились друг с другом. И я поняла, что он ошибается. Он ошибался, потому что это не могло быть правдой. Я бы почувствовала. Я бы поняла это, как только проснулась, почувствовала бы в ту же секунду, когда это случилось.

– Ты ошибаешься, – сказала я, вставая со стула.

Он тоже начал вставать:

– Джесс...

– Нет, – ответила я, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. – Ты не прав. Я бы узнала, если бы с ней что-то случилось. Готова поспорить, она сейчас на уроке. Вот увидишь.

Он снова открыл рот, но я не хотела слушать, что он еще скажет. Я не хотела ждать. Я не хотела ничего слышать.

Когда я вышла в коридор, холодный воздух приятно коснулся моей кожи. В кабинете было слишком тепло. Наверное, кондиционер сломался или его неправильно настроили. Такой перегрев – пустая трата электроэнергии, безответственно и совершенно неэкологично. Да и директрисе с ее идеально чистой рубашкой тоже не на пользу.

У меня в голове словно поднимался гул – Анна, упала, несчастье... Нет, все в порядке. Мы еще посмеемся над этим, и все будет в порядке. В полном порядке. Сейчас у Анны должен быть урок истории. Я пойду в ее класс и посмотрю, как она сидит за партой. Я ускорила шаг, пытаюсь заглушить гул в ушах. В конце я уже почти бежала. Я заглянула в окошко в двери, не сомневаясь, что произошла нелепая ошибка, думая, что увижу ее там – как она сидит, подперев подбородок одной рукой, глядя куда-то в окно. Я высматривала ее в океане лиц, заполнявших класс, уверенная, что произошла

нелепая ошибка. Я окидывала их взглядом снова и снова, одно за другим. Один раз, два раза. Три. Ее там не было. Одна парта пустовала.

– Джесс.

Я обернулась. Мой папа, который не плакал никогда, стоял посреди школьного коридора, из его глаз лились слезы. Нет. Он не ошибся. Все это правда. Анна, моя сестра, моя сестра-близняшка, была мертва. Боже, нет...

*Я все думала, как рассказать тебе, что я наделала.
Я репетировала этот разговор. На этот раз я
представлю, будто ты можешь меня услышать.
Может, это поможет.*

Глава 2

Когда наступает худший день твоей жизни, день, который меняет все, самое странное – что тебе приходится прожить его от начала до конца, секунду за секундой. Тебе приходится дышать, ходить и вести себя так, словно ты по-прежнему нормальный человек.

Вот я и пыталась вести себя так, будто ничего не случилось. Вместе с папой я вышла из школы, подошла к машине. Села на пассажирское сиденье, и он повез нас в больницу. Больница. Когда он произнес это слово, во мне мелькнула искорка надежды, но, заметив мое выражение лица, папа покачал головой.

– Нет, – сказал он мягко. – Она не... не была... Им просто нужно было отвезти ее туда. Я договорился с мамой, что мы встретимся на месте.

Вот так и вышло, что я сижу на скамейке в больнице, а ко мне с серьезным видом наклоняется женщина-полицейский. Мне показалось, что она хочет сообщить мне что-то важное, и я сосредоточилась изо всех сил, чтобы ничего не упустить.

– Не хочешь горячего шоколада? – спросила она.

– Простите?

– Тут немного холодно. Могу принести тебе горячего шоколада, это поможет согреться.

Хочу ли я горячего шоколада? Должна ли я сейчас хотеть

горячего шоколада? Я посмотрела на папу, который сидел на скамейке рядом со мной, прислонившись прямой спиной к стене и глядя в никуда. Я не знала, что ответить.

– Давай я куплю. Если сейчас не хочешь, выпьешь потом.

Когда я наконец кивнула, она уже ушла. Я сделала вдох и почувствовала слабый запах антисептика для рук.

Женщина в форме вернулась и вручила мне большой бумажный стаканчик. Он был горячим, и, только взяв его, я впервые осознала, что замерзла и что на мне по-прежнему спортивные шорты.

Когда мы только приехали, нас встретили не врачи, а эта женщина-полицейский и еще один офицер полиции, мужчина. Она молчала, пока он выражал соболезнования и рассказывал, как мама увидела Анну снаружи, под окном: она лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Сейчас полицейские были у нас дома: осматривали ее комнату и проверяли задний двор. Начальник полиции был на конференции в Бойсе, но они связались с ним, и он уже выехал обратно. Офицер упомянул это дважды, словно убеждая нас, что полиция серьезно относится к делу, раз уж их бесстрашный лидер соизволил ради нас уехать с конференции.

Я уставилась на офицера, пытаясь оставаться спокойной и собранной. Мне было важно показать, что я хорошо держу себя в руках, словно это каким-то образом могло повлиять на исход событий. Слово исход событий еще не был пред-
решен.

Офицер задал несколько вопросов, и мы машинально отвечали на них короткими, простыми фразами. Было очевидно, что наши ответы разочаровали его. Нет, у Анны не было парня. Нет, в последнее время она не выглядела сильно расстроенной. Нет, прошлой ночью не случилось ничего необычного.

Офицер помолчал, встав в задумчивую позу. Наконец он коротко кивнул в знак благодарности, а затем резко повернулся и вышел. Женщина-полицейский двинулась следом за ним.

Сжимая в ладонях стаканчик, я думала о вопросе, который полицейский не задал, – может, из вежливости, а может, потому, что ему не приходило в голову его задать: почему утром мы не заметили, что ее нет. А ведь так и было. Ее отсутствие за завтраком меня даже не удивило, как не удивило никого из нас. Она бегала кросс, и даже поздней осенью, когда по утрам уже было холодно и темно, она часто вставала рано, чтобы отправиться на пробежку с другими девочками из команды, а потом ехала в школу вместе с ними.

Так и вышло, что она не пришла завтракать, и никто из нас даже не задумался, где она. Все были заняты своими делами: маме в стоматологии предстоял долгий рабочий день, и она бы многое отдала, чтобы люди стали пользоваться зубной нитью. Папа читал газету и комментировал новости. Я ела тост и, насколько это было возможно, не обращала внимания на них обоих, читая книгу.

Я попыталась снова вспомнить прошлую ночь, чтобы понять, не ускользнуло ли от моего внимания что-то странное. Казалась ли Анна расстроенной? Вроде нет. Она, быть может, казалась более спокойной и умиротворенной, чем обычно. Она практически светилась от счастья, словно приняла правильное решение. Словно у нее была тайна, словно она знала что-то хорошее.

* * *

Когда мама присоединилась к нам в приемной, мой горячий шоколад почти остыл. Мамины глаза покраснели, а взгляд казался безумным. Она не стала садиться. Вместо этого она ходила перед нами взад-вперед и вдруг заплакала так сильно, что едва не начала задыхаться. Женщина-полицейский, которая приносила мне горячий шоколад, увела ее куда-то, шепотом убеждая ее глубоко дышать. Они скрылись за двойными дверями.

Мои глаза оставались сухими. Словно мне перерезали нерв, словно рана была слишком глубокой, чтобы ощутить, насколько больно будет потом.

Папа подошел к окну, которое выходило на парковку больницы, и прижался лбом к стеклу. Несколько минут спустя подошел мужчина в белом халате и встал рядом с ним.

– Нам нужно только удостоверение личности вашей жены, – сообщил он папе. Его голос звучал грубо и хрипло. – Но

если вы хотите посмотреть на тело, я могу вам его показать.

– Вы имеете в виду, показать мне мою дочь. – Произнося это, папа не смотрел на врача.

Мужчина покраснел и кивнул:

– Простите, да. Показать вам вашу дочь. Вы хотите ее увидеть?

Папа быстро заморгал и выпрямился.

– Да, я хочу ее увидеть. – Повернувшись, он заметил меня и смолк, словно забыл о моем присутствии. – Побудь здесь, Джесс, – сказал он. – Я скоро вернусь.

– Нет, – ответила я. – Хочу пойти с тобой.

Мужчина покачал головой:

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Я пойду с тобой, – повторила я.

* * *

Двери лифта, скрипнув, открылись, и за ними оказался залитый резким светом коридор – подвальный этаж больницы. Путь к Анне был долгим. Мы втроем прошли мимо множества открытых дверей и узких ответвлений коридора. В помещении, где мы оказались, стояло несколько длинных каталок. Занята была только одна – на ней лежало тело, покрытое бледно-голубой простыней. Мужчина в халате подошел к этой каталке и встал рядом с ней. Папа шагнул вперед, а следом за ним и я. Каждый следующий шаг давался труднее.

Когда мы остановились, мужчина откинул простыню. И мы увидели ее. Она лежала совершенно неподвижно. Мужчина смотрел то на меня, то на нее, сравнивая наши лица, сопоставляя черты. Папа крепко обхватил себя руками. Я стояла неподвижно и молча, хотя голова начинала кружиться, а в глазах плыло.

– Это она, – тихо сказал папа.

На ней было платье – то, которое она купила несколько дней назад и еще ни разу не надевала. Оно было темно-фиолетовым – ее любимый цвет, – а спереди его украшали маленькие жемчужные пуговицы. Поверх она надела теплый кардиган, ее рука высывалась из длинного шерстяного рукава, а пальцы были слегка согнуты. Но рука искривилась под каким-то странным, неестественным углом.

Было легче смотреть на ее тело, чем на лицо. Ведь ее лицо – мое лицо, ее бледная кожа, синеватая тень рта. На секунду я словно увидела себя на ее месте и вдруг поняла, что касаюсь собственного рта, будто в попытке проверить, осталась ли теплой моя собственная кожа. Я не понимала, как это может быть, что Анна лежит на столе, а я еще стою рядом.

Я опустила руку, шагнула ближе и вдруг осознала... «Лаванда. Ты пахнешь лавандой. Ты надела это платье, и ты пахнешь лавандой. Все должно было быть не так, – подумала я. – Совсем не так».

Папа глубоко вздохнул.

– Пойдем, – сказал он. – Посмотрим, как там мама.

– Нет. Нельзя оставлять ее одну, – возразила я.

– Джесс...

«Она проснется, – захотелось возразить мне. – Если я останусь здесь, то придумаю, как ее разбудить. Если ты дашь мне немного времени, я что-нибудь придумаю». Но как только я открыла рот, слова застряли в горле – я не могла их произнести, видя синеву ее кожи, ее застывшее в неестественной позе тело.

* * *

Когда мы почти дошли до лифта, во мне словно что-то сломалось, словно меня ударили кулаком в живот. Я слепо шагнула в сторону от папы и сбежала в ближайшую туалетную комнату. Оказавшись внутри, я согнулась над раковиной, вцепившись в нее обеими руками, чтобы не упасть на кафельный пол. Желудок сжался, словно тело пыталось изгнать из памяти бледное лицо Анны, избавиться от осознания того, что она ушла. Но этот образ был погребен глубоко внутри меня, и изгнать его было невозможно.

Я не знаю точно, когда все началось – когда я решила перестать быть той, кем была. Кажется, что должен быть какой-то один поворотный момент, когда это случилось, момент, с которого все покатило по наклонной. Не так ли?

Глава 3

Родители всегда считали, что со мной что-то не так. Они никогда не говорили этого прямо, но я отчетливо помню долгие поездки к врачам, которые тратили больше времени на странные вопросы, чем на проверку моего здоровья. Анна обычно ходила вместе со мной, но ей таких вопросов не задавали – ей разрешали возиться с игрушками в углу, писать и рисовать на листках цветной бумаги. Когда мы спрашивали родителей об этой несправедливости, они отвечали, что ее очередь будет в следующий раз.

Конечно, я видела, что людям легче ладить с Анной, чем со мной. Я видела, как они расслабляются, когда общаются с ней, и как напрягаются, когда нужно говорить со мной. Анна откуда-то знала, как себя вести и что говорить. Иногда, наблюдая за ней, я пыталась повторять все, что она делала. Но те же слова у меня выходили фальшивыми, а жесты были словно деревянными.

Впрочем, это было все равно не важно. В Бёрдтоне (Монтана, население 4528 человек), как только люди сформируют о тебе свое мнение, у тебя почти не остается шансов их переубедить. Ты можешь полностью измениться, но о тебе всегда будут судить по той самой истории, случившейся много лет назад. Например, когда в продуктовом магазине кто-то задел тебя плечом, а ты завопила во всю глотку или как в детском

саду помощнице учительницы нужно было провожать тебя в туалет, чтобы ты не тратила полчаса на мытье рук.

Анна знала, что эти эпизоды – лишь малая часть моей истории и что они не определяют, кем я являюсь. Она единственная, кто это понимал. Кто по-настоящему понимал меня. И я тоже считала, что понимаю ее. Что я знаю о ней все. Но я прокручивала в голове вопросы полицейской о том, не была ли Анна расстроенной в последнее время, не было ли у нее парня. Я ответила отрицательно на оба вопроса, и мне даже в голову не пришло, что я могу ошибаться.

И все же, оглядываясь назад, я понимала, что в последние несколько месяцев все изменилось. Мы стали меньше общаться, Анна больше уставала, стала рассеянной и забывчивой. Она даже несколько раз огрызнулась на меня, чего никогда не случалось раньше. Но я была абсолютно уверена в том, что мы понимаем друг друга. И потому мне даже в голову не пришло, что это могли быть признаки каких-то более масштабных, глубинных перемен, скрытых от моего взгляда.

Я с уверенностью сказала, что у нее не было парня. Анна иногда заговаривала о мальчиках. Тогда у нас еще была общая комната, и ее слова долетали до меня с верхнего яруса двухэтажной кровати. Но в последний раз она упоминала кого-то несколько месяцев назад. А сама я не спрашивала и не заговаривала ни о ком конкретно. Потому что для меня отношения с парнями оставались чем-то совершенно неизведанным. И хотя те времена, когда я могла вскрикнуть от

случайного прикосновения, давно прошли, я по-прежнему не понимала, как это – хотеть до кого-то дотронуться и хотеть, чтобы кто-то дотронулся до меня.

Однажды Анна рассказала мне, как она мечтает одеться на свидание.

– Я хочу надеть платье, – мечтательно произнесла она. – Красивое платье. И надушиться. Я хочу пахнуть лавандой...

* * *

Овощная запеканка в Бёрдтоне считается традиционным траурным блюдом, так что в течение трех дней со смерти Анны нам передали одиннадцать штук. Мы съели только ту, которую прислали Андерсоны. Это была единственная темнокожая семья в Бёрдтоне, и только их запеканка была без сливок и грибного бульона. Услышав звонок в дверь, я подумала, что это, наверное, принесли двенадцатую запеканку. Но когда папа открыл, за дверью оказался полицейский, который разговаривал с нами в больнице. И в руках он держал вовсе не запеканку, а блокнот.

Повисла неловкая пауза. Папа пригласил его войти и предложил присесть. Мама спросила, что ему принести – кофе или чай.

– Нет, спасибо, – вежливо ответил он и присел на край стула, не выпуская блокнот из рук. В отличие от других людей – соседей и друзей семьи, которые заходили к нам и бы-

ли готовы задержаться в нашей гостиной надолго, – он выглядел так, словно не хочет тратить впустую ни секунды.

– Простите, что задержался, – начал он. – У нас не хватает людей, и поначалу произошла некоторая путаница, так что расследование заняло больше времени, чем мы рассчитывали. Но я хотел сообщить, что сам начальник полиции лично участвует в нем, и теперь у нас появилась кое-какая информация.

Он выдержал паузу, глядя на нас, словно ожидая разрешения продолжать. Мы молча сидели на диване. Я посмотрела на папу. Он, в свою очередь, посмотрел на маму. Она была невысокой хрупкой женщиной с узкими плечами, но при этом ей удавалось выглядеть более собранной, чем он.

– Хорошо, – сказала она полицейскому. – Расскажите нам.

Тот кивнул:

– Итак, мы пообщались с учениками из старшей школы – друзьями и одноклассниками Анны. Мы искали зацепки.

– Какие, например? – спросила мама.

– Мы просто задавали стандартные вопросы. Проверяли, может ли кто-то сообщить что-то полезное. Тем вечером школьники устроили большую вечеринку в карьере, и большинство ребят, с которыми мы поговорили, были там и вели себя как полные идиоты. И все же нам удалось найти человека, который знал, что случилось.

– Кого? – спросила я.

– Лили Стивенс.

Лили. Вполне логично, что это оказалась она. Они с Анной вместе работали над проектом по истории прошлой весной и подружились, а потом, осенью, они вместе стали заниматься кроссом. Долгое время ее главной заявкой на популярность в классе был скандальный развод родителей, в ходе которого ее отец смылся во Флориду со своей секретаршей, оставив на кухонном столе записку. За время летних каникул Лили внезапно сильно похорошела, будто приобрела какую-то ведьмовскую, кошачью красоту, обзавелась парнем и стала совершенно невыносимой. Впрочем, на ее красоту мне было наплевать – я не сомневалась, что она была редкостной тупицей, хотя Анна всегда возражала, напоминая мне, что в следующем году мы с Лили будем в одном классе по математике. Меня это не впечатляло.

– Мамы Лили не было в городе, – продолжил офицер. – Она уехала на какой-то семинар по... – он заглянул в заметки, – ...духовному целительству. Лили упомянула, что они с Анной собирались провести время у нее – устроить пижамную вечеринку. Когда Анна не пришла, Лили решила, что родители застукали Анну, когда она собиралась уйти, и не выпустили ее из дома. Так что, похоже, все было так, как мы и думали: она сорвалась, когда выбиралась из окна. Вскрытие и токсикологическая экспертиза еще только запланированы, но мы думаем, что они просто подтвердят эту версию. Он замолчал и кивнул, словно подчеркивая сказанное.

– Пижамную вечеринку? – недоверчиво повторила я.

Эта фраза словно выплыла из другого времени, вызывая в памяти бумажных кукол и лимонад, журналы и щипцы для завивки. Пижамная вечеринка с подружками – явно не то, что было у Анны на уме тем вечером. Иначе ей не понадобились бы платье и духи.

– Лили так и сказала?

Он заглянул в блокнот, быстро перечитал страницу и затем кивнул:

– Да. Что-то про фильмы и коктейли с вином.

– Фильмы и коктейли? И они были только вдвоем?

– Да, – подтвердил полицейский.

– В участке меня спрашивали, был ли у Анны парень.

– И ты ответила, что не было, – напомнил он. – И ее одноклассники тоже так думают.

– Я помню, я так и сказала. Но она надела платье и надушилась лавандовыми духами.

Он пожал плечами:

– Девочки часто так делают, верно?

– Но не Анна. Они с Лили явно не планировали провести время только вдвоем. Она лжет.

– Джесс, – тихо и спокойно произнесла мама, и я повернулась к ней, надеясь, что она поддержит меня. Но вместо этого она покачала головой: – Я знаю, что это нетипично для Анны, но это не значит, что Лили лжет. Лили ведь встречается с кем-то из одноклассников?

Я кивнула:

– С Чарли. С Чарли Струммом.

– Ладно, тогда, возможно, Лили и Анна решили, что он *может* привести с собой кого-то из друзей, но у них не было никаких конкретных планов. А может, Анна просто захотела нарядиться.

Я уставилась на нее:

– С каких пор за ней это водится? Нарядиться, просто чтобы нарядиться? Надушиться?

– Дорогая, иногда такое случается. Люди меняются, пробуют новое...

– Нет. Это какой-то бред. Анна собиралась с кем-то встретиться, она собиралась на свидание с парнем!

Я была абсолютно уверена в этом. Об этом говорило все: и платье, и духи, и что-то еще, совершенно неуловимое, что я не могла объяснить словами. У мамы в глазах стояли слезы.

– Пожалуйста, не кричи. Я знаю, что в последнее время вы с Анной стали чаще ссориться, и поэтому тебе, наверное, еще тяжелее, но...

Я покачала головой, расстроенная и растерянная:

– Нет. Мы не *ссорились*. И я не *кричу*...

Но теперь я услышала себя: я и правда повысила голос и говорила слишком быстро. Теперь я заметила, что остальные перестали слушать, что я говорю, и обращали внимание только на громкость голоса, на мою нарастающую панику.

– Джесс... – Мама на секунду прикрыла глаза. – Ну ладно, Джесс. Как ты думаешь, что случилось? С кем, по-твоему,

она хотела встретиться?

Я глубоко вдохнула, один раз, затем другой. Я старалась успокоиться, сделать так, чтобы они снова начали меня слушать.

– Не знаю. Она... она ничего мне не сказала. – Я помолчала, а затем повернулась к полицейскому. – Может, мы сможем проверить контакты в ее телефоне? Он наверняка был у нее...

– Мне жаль, – ответил офицер. – Телефон был у нее в кармане. Он...

Полицейский вытянул руки перед собой ладонями вверх, словно пытаясь найти какую-то мягкую формулировку для того, что случается с телефоном, когда он падает с высоты второго этажа. Мы все ждали. Но мягких слов не находилось, и он молчал, не зная, как закончить фразу.

– Джесс, может, ты и права, – тихо произнесла мама.

Боль, которая слышалась в ее голосе, впивалась в мою кожу, как колючая проволока.

– Может, у нее был парень. А может, и нет. На самом деле это ничего не меняет. Это не важно.

Папа и полицейский с уверенным видом кивнули – было очевидно, что они оба свято в это верят. Но я не кивнула вместе с ними. Потому что я была не согласна. Потому что для меня это *имело* значение. Потому что я должна была узнать, что случилось. Потому что мы были лучшими подругами. Потому что мы были близняшками. Потому что я

не могла избавиться от мысли, что она пыталась мне что-то сказать, а я не услышала. Что я каким-то образом позволила ей ускользнуть.

Глава 4

Я стояла у входа в церковь. Весь зал простирался передо мной – ряды скамеек и высокие витражные окна вокруг, но я не видела ничего, кроме горы ромашек, скрывавшей под собой гроб. Они казались непристойно яркими. Я изо всех сил старалась не представлять Анну внутри гроба, не думать, как чужие люди надевали на нее вещи, которые подобрали мы с мамой: ее любимые джинсы и вязаный свитер.

Когда мы пришли, церковь была пуста, но вскоре в ней начали собираться люди. Некоторые из них, заметив меня и моих родителей, старались держаться на расстоянии. Другие направлялись прямо к нам, широко открыв глаза и скорбно сцепив руки.

Пришло несколько девушек с занятий кроссом. Лили держалась позади. Они топтались неподалеку, пока мои родители разговаривали с кем-то с папиной работы. Его коллега постоянно откашливался, и его кадык дергался вверх-вниз. Мама многозначительно посмотрела на меня, а затем кивнула в сторону подошедших девушек, как будто я могла их не заметить. Я проигнорировала ее взгляд – я хотела поговорить с Лили наедине и выяснить, какие планы были у Анны в тот вечер на самом деле. Я допустила ошибку, посмотрев на девочек второй раз, – они это заметили и решили, что можно подойти.

Поначалу повисла длинная пауза, но потом Рейчел, брюнетка с передними зубами как у кролика, нервно улыбнулась и заговорила:

– Нам так жаль. Анна была... – Она замолчала и посмотрела в пол.

– Классной, – подсказала другая девочка, остальные тут же закивали. – Правда классной.

– Спасибо, – произнесла я, не зная, уместно ли будет так ответить.

Они закивали снова, и дальше мы просто стояли молча. Рейчел начала плакать – тихо, то и дело всхлипывая. Похоже, никто не знал, стоит ли ее успокаивать, так что мы просто молча стояли, а слезы бежали по ее лицу, размазывая тушь по щекам.

– Думаю, мне нужно присесть, – наконец выговорила я.

Они закивали еще усерднее.

– Конечно, – согласился кто-то.

Не знаю точно кто, но явно не Лили, которая молча стояла в стороне.

Родители сели по бокам от меня. Мама сидела с идеально ровной спиной, глядя куда-то поверх голов; папа пытался подражать ей, но его руки безвольно и беспомощно лежали на коленях.

Когда священник подошел к алтарю, в зале стало так тихо, что я могла слышать, как сидевшая впереди женщина поправила юбку. Потом кто-то у меня за спиной сдавленно

всхлипнул, и тут же этот звук подхватил кто-то еще. Я закрыла глаза, надеясь, что они перестанут: это заразительно, а я не должна позволить себе заплакать. Если я начну, то никогда не смогу остановиться. Я растворюсь, и от меня останется только жалкая кучка соли. Я прикусила язык так сильно, что ощутила ржавый привкус крови.

Когда священник заговорил, я попыталась сосредоточиться на его голосе, чтобы не слышать, как плачут люди вокруг, но его слова пробудили во мне еще одно неожиданное чувство – злость. Потому что он говорил об ангелах, которые возвращаются в рай, о ягнятах и пастырях, о вещах, которые не имели к Анне никакого отношения. Не имели ничего общего с девочкой, которая бормотала неприличные шутки себе под нос, которая выхаживала раненых птиц. Только рядом с ней я чувствовала себя частью мира.

Чтобы отвлечься от всхлипов и от гнусавой проповеди, которая приводила меня в ярость, я стала рассматривать море голов передо мной, пытаюсь высмотреть тех, кого знаю по школе. Пришло несколько учителей. Мисс Браун, учительница биологии, сидела рядом с мистером Таттерлайном, учителем обществознания. Через два ряда от них расположился мистер Мэтьюс, который преподавал английский и тренировал бегунов. Он склонил голову в безмолвной молитве.

С другой стороны сидел начальник полиции. Он был так напряжен, что было больно смотреть. Рядом с ним сидел Джон Гран, глава пожарного департамента. Оба они пришли

с женами.

Позади них разместились их сыновья, Чарли Струмм и Брайан Гран, вместе с Ником Андерсоном. Все трое учились в одиннадцатом классе и играли в баскетбол. Я задумалась о том, как они могли быть связаны с Анной. Чарли был парнем Лили, так что они с Анной, наверное, пересекались не раз. Брайан, насколько я помнила, осенью был напарником Анны на лабораторных по биологии. Насчет Ника я не была уверена.

Возможно, один из них был с Анной ближе, чем я осознавала. Может, это с одним из них Анна собиралась встретиться тем вечером. А может, они были просто стервятниками, которые слетелись на похороны, чтобы насладиться общим горем. Может, тот парень, с которым она собиралась встретиться, вообще не пришел. Интересно, думала ли она о нем, когда упала. Думала ли она обо мне.

Когда служба закончилась, мы поехали на кладбище следом за катафалком – его черный корпус маячил перед нами, занимая все лобовое стекло. Как только мы приехали, папа, два его брата и лучший друг сняли гроб с катафалка и понесли его. Они двинулись вперед, подстраиваясь под скорость друг друга, словно тренировались заранее. Мы зашагали следом. Они остановились возле ямы, рядом с несколькими старыми деревьями. Я рассматривала деревья, стараясь не глядеть на яму. Почти все листья облетели, только несколько за-

сохших еще упрямылись, отказываясь покидать ветки. Снова зазвучали слова. На этот раз я даже не пыталась вслушаться. Я по-прежнему рассматривала деревья, когда папа внезапно прошептал мне на ухо:

– Твоя очередь, Джесс.

Я опустила взгляд и обнаружила, что мои пальцы сжимают цветок. Я не помнила, кто мне его дал, не помнила, как его взяла. Несколько секунд я рассматривала его, а затем сделала шаг вперед и бросила цветок на гроб, который уже опустили в яму, в могилу. В могилу Анны. Цветок мягко упал на деревянную поверхность, слегка покачнувшись, и, наконец, застыл неподвижно. За ним последовали другие цветы, и вскоре я уже не могла разобрать, где мой цветок, а где чужие.

Наконец мама глубоко вздохнула и сказала:

– Вот и все. Пойдем в машину, дорогая.

И мы пошли обратно. На полпути родители остановились, чтобы переговорить с друзьями, и я отвернулась, наблюдая, как люди расходятся к своим машинам. Как мисс Браун по пути остановилась у другой могилы и легонько коснулась надгробия. Как мой дядя встал у края дороги и обнял свою жену, мою тетю, крепко прижав ее к себе. Как Чарли настороженно осмотрелся по сторонам и вытащил из своей машины фляжку. Отпив из нее, он предложил флягу Брайану и Нику. Ник покачал головой, а Брайан отхлебнул как следует и вернул фляжку Чарли.

Я высматривала Лили, ожидая увидеть ее здесь. Обычно

она держалась неподалеку от Чарли, словно ее тянуло к нему и быть на расстоянии от него было для нее невыносимо. Но Лили нигде не было. Я высматривала ее среди оставшихся, подумав, что она может оказаться где-то рядом с остальными участницами команды по кроссу. Но вместо этого я увидела, как она бродит у могилы Анны в одиночестве. Волосы спадали на ее лицо, а глаза покраснели. И она все еще держала в руках цветок.

Я пошла к ней по траве. Лили подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. На секунду она будто застыла, словно поджидала меня, словно хотела мне что-то сказать. Что-то, что я обязательно должна была узнать. Но потом она бросила свой цветок на гроб, отвернулась и снова смешалась с толпой.

Какая-то часть меня хотела бы обвинить Лили в том, как именно все началось, хотя это было крайне несправедливо. Было бы так легко сказать тебе, что это она меня во все втянула, сбила с правильного пути. Думаю, ты бы мне поверила.

Глава 5

Вечером того же дня, когда родители легли спать, я пошла в комнату Анны. Я устроилась на ее кровати, застеленной покрывалом. Голова гудела от мыслей. Я попыталась успокоить их, разложить по порядку, но они постоянно перепутывались, ускользая.

Тем вечером, прежде чем я легла спать, Анна заходила ко мне. Я не помню точно, о чем мы говорили, и не помню, чтобы я просыпалась ночью. Я крепко спала, хотя должна была бы тут же проснуться, когда Анна упала, – если не от шума, то от внезапного ощущения, что связь между нами оборвалась. Мне казалось невозможным, что я проспала всю ночь, завернувшись в одеяла, в полной уверенности, что ничего не изменилось, думая, что Анна все еще жива и у меня по-прежнему есть сестра-близняшка.

Тяжесть случившегося камнем давила на грудь, так что я встала с кровати. Я подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела вниз. Представила, как открываю окно, впуская в комнату холодный воздух, как выбираюсь наружу, осторожно вытягиваю ноги, пока не коснусь верхнего края оконной рамы на нижнем этаже. «С кем ты собиралась встретиться? – думала я. – Куда ты направлялась? Почему ты мне не сказала?»

Я оперлась руками о подоконник. На мгновение я пред-

ставила, будто мои руки – ее руки, что я – это она, что она вернулась в свою комнату, проведя ночь где-то еще, и тихо закрыла окно. Руки начали дрожать, и я снова прижала их к себе. «Прекрати, – подумала я. – Иди спать. Начнешь с завтрашнего дня. Завтра ты попробуешь найти ответы».

* * *

Слабое зимнее солнце освещало кровать, возвещая начало нового дня. Я встала и осмотрела комнату Анны, гадая, с чего начать. Полиция обыскала ее комнату, это верно, но они понятия не имели, что для Анны нормально, а что – нет. Так что я не могла полагаться на их мнение. Я решила начать с очевидного. Заглянула под подушку, на которой спала, проверила под матрасом, который еще хранил тепло моего тела. Ничего.

Тогда я легла на пол и заглянула под кровать. Там было слишком темно, так что я засунула руку под нее и выгребла кучу всякой всячины в центр комнаты. Выглядело все это попросту отвратительно: грязные носки, пыльные книги с потрепанными уголками, ручки и карандаши. На некоторых ручках виднелись следы зубов – у Анны была привычка их грызть. Выудив из кучи несколько непогрызенных ручек – большинство из которых, я уверена, когда-то были моими, – я запихнула все остальное обратно под кровать.

На прикроватном столике стояла лампа, а рядом с ней –

наша фотография в рамке. Я пыталась относиться к процессу отстраненно и мыслить рационально, но все же не смогла устоять и взяла ее в руки. Это была одна из моих любимых наших фотографий. Ее сделали, когда нам было восемь. Мы лежали на траве на заднем дворе, закрыв глаза, голова к голове, так что наши волосы переплелись. Солнечный свет вокруг был идеально золотым, будто в рекламе духов. Фотографию сделала мама. Она тогда думала, что мы спим, пригревшись на солнце. Мы так и не признались ей, что она ошиблась: на самом деле мы не спали, а пытались научиться общаться друг с другом без слов. Мы были так сильно сосредоточены, что не заметили, как она подошла и сделала фото.

На снимке Анна едва заметно улыбалась, а я слегка нахмурилась. Она выглядела так, словно точно знала, о чем я думаю, а я – словно пыталась перевести что-то на иностранный язык. Это было слишком – мне показалось, что сердце вот-вот разорвется. Поэтому я отложила фотографию, осторожно прислонив ее к лампе под тем же углом, как она стояла раньше, и открыла ящик стола. Там я увидела еще несколько ручек, коробочки с освежающими мятным конфетами, пару ярких картонных подставок под чашки – иронично, учитывая, что она, как и папа, постоянно забывала ими пользоваться. И больше ничего.

У нее в шкафу я тоже не нашла ничего примечательного – только мятый свитер в синюю полоску, с капюшоном. Сначала я никак не могла понять, откуда он взялся. Он казался

знакомым, но не принадлежал ни мне, ни Анне. Я рассмотрела его поближе. Потом я вспомнила, как Анна вернулась с занятий бегом несколько недель назад, вся промокшая из-за неожиданного ливня, а следом за ней в дом ввалилась смеющаяся Лили. На ней как раз и был этот свитер. Наверное, Анна повесила его сушиться, а потом забыла об этом. Я подумала, что нужно будет потом отдать его Лили.

Скрестив ноги, я уселась на полу с рюкзаком Анны. Сначала я вытащила ее тетради в поисках хоть чего-нибудь полезного. В первых трех были только школьные записи и какие-то абстрактные зарисовки, а четвертая – тетрадь по английскому – выглядела более многообещающе. На последних страницах Анна переписывалась с Лили. На одной из них Лили написала целую оду своему парню, Чарли («Правда же, у него такие ресницы – *целый километр* длиной! Такой милашка! А в пятницу он мне цветы подарил! Цветы!»). Я старалась не представлять себе, как улыбалась Анна, когда читала эту записку.

Дальше Лили написала: «А тебе кто-нибудь нравится? Вот бы нам всем сходить куда-нибудь – будет так прикольно!»

К несчастью, Анна ответила коротко: «Я подумаю».

«Ладно, – написала Лили. – Но думай побыстрее, а то у меня целый список кандидатов для тебя».

Я перевернула страницу, но дальше записей не было. Еще через два листа переписка возобновилась.

Лили: «Боже, полкласса спит, а ты так внимательно слу-

шаешь. Вам с мистером М. лучше бы уже уединиться».

Анна: «Не смешно».

Лили: «Расскажи мне о великих книгах, ах ты мой очкастенький красавчик. Рассказывай мне о них медленно».

Анна: «Идиотка».

«Это точно», – подумала я. Больше в их переписке не было ничего примечательного – в основном нытье о том, что на улице становится слишком холодно, домашних заданий слишком много, а от занятий бегом болят ноги. Я подошла к книжной полке. У меня книги были расставлены по жанрам, а затем по алфавиту, по фамилии автора. У Анны они, похоже, стояли совершенно бессистемно.

На самой нижней полке лежали листы бумаги, сложенные в несколько раз. Я аккуратно развернула их и узнала почерк Анны. Это были стихи. Я видела, как она сидит на трибунах, ожидая начала тренировки, с блокнотом на коленях. Как она пишет, а потом останавливается, обдумывая следующее слово. Я думала, она готовится к урокам или, может, пишет рассказ.

Стихи были о природе. О том, как меняется цвет листьев, как погода обещает снег, как шуршит под ногами сухая трава, как пахнет сырая земля. Все, кроме последнего. Последнее было не о природе. Оно было о каком-то человеке. Оно было о любви. И хотя в нем недоставало конкретных деталей, вроде имени или описания внешности, было очевидно, что оно посвящено кому-то, кого она хорошо знает. И что

отношения с этим человеком продолжались уже некоторое время. А я совсем ничего об этом не знала.

Глава 6

Нужно было принять решение. Зеленый свитер? Нет, его она надевала для общей фотографии с классом. Серая водолазка? Нет, ее она постоянно одалживала у меня. Наверное, водолазка даже пропахла теми мятными конфетами, которые она постоянно жевала. Я поднесла водолазку к лицу и вдохнула. Точно, мята. Было сложно заставить себя положить ее на место.

Сегодня я впервые собиралась вернуться в школу после четырехнедельного отсутствия, и мне показалось, что важно надеть что-то, что не будет слишком сильно ассоциироваться с Анной. Через несколько дней после похорон я уже совершила эту ошибку – надела ее красный свитер, и мама расплакалась, как только меня увидела. Я и забыла, что она связала его для Анны, что они вместе выбирали узор и нитки. Мины были заложены повсюду, и я то и дело натыкалась на них.

В итоге я выбрала джинсы, футболку с длинными рукавами и темно-синюю толстовку. Насколько я помню, Анна никогда не надевала эти вещи. С ними не было связано никаких воспоминаний. И это было хорошо, потому что сегодня мне были не нужны воспоминания. Я собиралась поговорить с Лили, и в этот раз она не отвернется. Я и так ждала слишком долго.

* * *

Мы с Анной сами готовили себе еду в школу с тех пор, как нам исполнилось девять, но сегодня утром мама сказала, что все для меня приготовит, и даже предложила подвезти меня до школы, хотя раньше я всегда ездила на автобусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.